

**ДИСКУРСИВНАЯ ОБРАБОТКА КУЛЬТУРНОЙ ЧУЖЕРОДНОСТИ
В ЛИТЕРАТУРНОМ НАРРАТИВЕ (на материале романа I. Brezna “Die undankbare Fremde” (2012))
Е. Ю. Микалаускайте**

**DISCURSIVE TREATMENT OF CULTURAL OTHERNESS IN THE LITERARY NARRATIVE
(the material of the novel “die undankbare fremde” (2012) by I. Brezna)
E. Yu. Mikalauskayte**

В статье анализируются способы дискурсивной обработки культурной чужеродности, рассматриваемые в работе в качестве основной функции литературно-нарративной коммуникации в фокусе межкультурного взаимодействия. Исследование проводится на материале немецкоязычного романа чехословацкой писательницы И. Брежна «Die undankbare Fremde» (2012). В рамках работы выделено несколько функций литературно-нарративной коммуникации в условиях ситуации межкультурного взаимодействия. Основной функцией названа дискурсивная обработка культурной чужеродности, включающая комплекс языковых и культурно-конвенциональных средств для рефлексии процесса адаптации. В тексте эта функция реализуется на лексическом уровне через использование ряда семантических оппозиций, местоименного дейксиса, описание определенного круга тем. На синтаксическом уровне это выражено в особенностях формального устройства текста, а также хронологического порядка. Вторая функция литературного нарратива – минимизация стресса адаптации и его осмысление через формирование вторичной концептуально-языковой картины мира. Третья функция – трансфер ментального опыта реального автора или повествователя. Четвертая функция заключается в преодолении стереотипного представления о культуре мигрантов у культурно-языковых носителей.

The paper investigates the methods of discourse treatment of cultural otherness stipulated to be the main function of literary and narrative communication, with respect to intercultural interaction. The study is based on I. Brezna's masterpiece «Die undankbare Fremde» (2012) written in German. Several literary and narrative multicultural communication functions are identified in this text. Discourse representation of otherness is supposed to be the key function of the communication. That latter comprises a set of linguistic and cultural means for the representation of a reflex of adaptation process. The text exhibits this function at the lexical level through the implementation of a few semantic oppositions, pronoun deixis and description of some specific topics. The syntax level manifests in peculiarities of the formal text pattern, as well as in chronology. The second function of a literature narrative is minimization of adaptation stress due to its interiorisation through the development of secondary concept linguistics universe. The third function is a transfer of mental experience of a real author or narrator to a reader. The fourth function is overcoming the stereotypization towards migrants' culture among the native speakers of a language.

Ключевые слова: нарратив, литературно-нарративная коммуникация, культурная чужеродность, дискурсивная обработка, межкультурная адаптация.

Keywords: narrative and literary narrative communication, cultural otherness, discursive process, intercultural adaptation.

Целью данной статьи является изучение способов дискурсивной обработки культурной чужеродности в рамках литературного нарратива. В качестве материала для исследования был выбран роман чехословацкой писательницы И. Брежна «Die undankbare Fremde» (2012) [7]. Писательница пережила опыт эмиграции, в детстве переехав с семьей из Чехословакии в Швейцарию вместе с многочисленными беженцами. Пережитый опыт писательница выразила в художественном тексте, пытаясь понять и осмыслить процесс адаптации в чужой культуре. Концептуально мы рассматриваем данный художественный текст как литературно-нарративную коммуникацию, контекст которой обусловлен межкультурным взаимодействием.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды в области нарратологии В. Шмида, Й. Брокмейера, Р. Харре, М. Б. Бергельсон, В. А. Андреевой, коммуникативные исследования в межкультурном контексте Т. А. ван Дейка, А. П. Садохина, Л. В. Куликовой, О. А. Леонтович.

Литературная коммуникация, как и всякая коммуникация, предполагает взаимодействие Я и Другого. Такая связь в художественном тексте проявляется на нескольких уровнях: на внешнетекстовом как диалог между автором и читателем, на внутритекстовом – между повествователем и персонажами или между самими персонажами. При этом под повествователем понимается, по терминологии В. Шмида, рассказчик, или, в западной традиции, нарратор – адресант фиктивной нарраторской коммуникации. Нарратор не тождественен конкретному автору – реальной исторической личности, создателю произведения. Читатель, согласно Шмиду, – это адресат фиктивного нарратора, наррататор. Он также не тождественен реальной личности, читающей текст в определенный временной отрезок. Это, скорее, образ идеального читателя [1].

Термин «нарратив» в настоящей статье определяется как тип формирования дискурса, стратегия текстопорождения. Литературный нарратив как текст

является продуктом этой стратегии и осмысливается в категориях нарративности и литературности.

Вслед за В. А. Андреевой, обобщившей накопленные знания в нарратологических исследованиях, нарративность мы рассматриваем как «специфическую стратегию текстообразующего способа представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история (фабула, интрига), преломленная сквозь призму определенной (определенных) точки (точек) зрения» [2, с. 65]. Нарративность представляет собой широкоупотребительный способ текстообразования, однако в нарративных текстах практически всегда можно обнаружить следы других стратегий, например, дескриптивности, перформативности и др. Такое предположение создает представление о полидискурсивных текстах, однако не отменяет преобладания одной стратегии. Тексты, в которых основной стратегией является нарративность, обладают рядом критериев. К ним относятся степень и форма выявленности повествователя (от 1-го или 3-го лица), повествовательная перспектива, предполагающая «всеведущего» автора или же повествователя с ограниченной «точкой зрения», а также критерий модуса. Центральной категорией нарратива является понятие события, объединяющее как «рассказываемое событие», так и «событие рассказывания».

Литературно-нарративная коммуникация – сложный феномен, обеспечивающий разные функции, в частности на данном материале, позволяющие автору – как повествователю и как реальному человеку – достичь определенных целей в соответствии с его основной интенцией – преодолеть культурную чужеродность.

Проведенное исследование позволяет выделить несколько функций литературного нарратива, реализующиеся в ситуациях межкультурного взаимодействия.

В качестве основной мы рассматриваем дискурсивную обработку культурной чужеродности, под которой понимается комплекс коммуникативно-языковых средств для рефлексии процесса адаптации и вербального трансфера пережитого опыта с целью преодоления негативной аккультурации. Понятие дискурсивной обработки было введено в работах Л. В. Куликовой, С. Б. Белецкого (2011), Я. В. Поповой (2014) [5].

Вторая функция литературного нарратива – минимизация стресса адаптации, а также его осмысление через формирование вторичной концептуально-языковой картины мира. Картина мира повествователя – сначала маленькой девочки, затем взрослой женщины – формируется в условиях адаптации к новой культуре. Вербализация этого опыта позволяет и повествователю/реальному автору, и читателю осознать этот процесс.

Третья функция выражается в том, что литературный нарратив способствует трансферу ментального опыта реального автора/повествователя. Текст ориентирован на идеального читателя, нуждающегося в понимании или готового понять сложности процесса

адаптации, осмыслить проблемы, пережитые героями, и перенести чужой опыт на собственную жизнь.

Четвертая функция заключается в преодолении стереотипного представления о культуре мигрантов у культурно-языковых носителей (*nativespeakers*). Текст, описывающий бытовые ситуации ежедневного взаимодействия с представителями иной культуры, предлагает читателю объяснительный ресурс, расширяет фоновые знания о привычках и особенностях другой культуры, которые вызвали непонимание, неприязнь, жалость со стороны носителей культуры.

Настоящая статья посвящена изучению особенностей реализации первой функции исследуемой нарративной коммуникации – а именно способам дискурсивной обработки межкультурного опыта разными средствами языка, текста и дискурса. Автор, создавая литературный текст, пытается осознать пережитый процесс адаптации в новой культуре, конфликт в оппозиции «свой-чужой».

Исследуемое художественное произведение представляет собой нарратив, состоящий из ряда небольших историй, расположенных в хронологическом порядке. Истории отделены друг от друга дополнительными повествовательными структурами, описывающими случаи из переводческой практики уже взрослой героини. Включенные нарративные блоки в тексте выделены курсивом.

Основной текстовый ряд может быть представлен в виде повторяющейся модели: ситуация взаимодействия героини с представителем/явлением/артефактом чужой культуры + рефлексия героини. Вторая часть модели отражает процесс осмысления ею реальности в оппозиции «свой-чужой»: любую ситуацию столкновения с другой культурой героиня категоризует, сравнивая две культуры и противопоставляя родную лингвокультуру неродной.

Эта рефлексия дискурсивно обрабатывается в тексте на нескольких уровнях: языковом (лексическом, синтаксическом) и культурно-конвенциональном.

На лексическом уровне чаще всего представлена семантическая оппозиция, выражаемая через местоименный дейксис. Эта оппозиция является трехчастной, поскольку героиня противопоставляет себя как своей родной культуре, так и чужой. Поэтому она часто употребляет личные местоимения „*ich*“, „*wir*“, „*sie*“. Родину героиня называет „*Heimatland*“ («*Родина*»), „*mein Land*“ («*моя страна*»), для чужой страны выбирает слово „*fremd*“ («*чужой*»), а также использует метафору «старый муж» – „*mein Mann*“: „*Die Welt war in „Ich“ und „Das fremde Land“ zerbrochen. Ich nannte es „mein Mann“.* Wenn ich meinen Mann anschaute, sah ich, was er nicht sah“ [3, s. 18]. («Мир раскололся на «я» и «чужой край». Я называла его «мужем». Взглянув на «мужа», я видела то, чего не видел он» [4, с. 24 – 25]). Две политические системы также получают различные номинации, находящиеся в оппозиции: «*Diktatur*», „*autoritärer Staat* vs „*Demokratie*“, „*freie Bürger*“. Про себя она говорит: „*Zu jung war ich für dieses erwachsene, vernünftige Land*“ [3, s. 33]. («Я была слишком юной для этой взрослой и рассудительной страны» [4, с. 47]). Не

только антонимическая лексика выражает отношения противопоставления, это можно наблюдать также на уровне высказываний в микроконтекстах. Продолжая описывать оппозицию «я» – «чужое», героиня рассказывает о занятиях по немецкому языку: „Doch sicher war nur die Langweile, die mich befiel. Der Lehrer machte es vor, er erklärte langatmig, was er in der Unterrichtsstunde durchnehmen würde, und verwirklichte Punkt für Punkt seinen Vorsatz. Ich sehnte mich nach Überraschungen, mochte so sehr dieses Wort, in dem es überrasch zuing, und störte den Unterricht mit Einfällen“ [3, s. 28]. («Но с уверенностью можно было утверждать лишь одно: мне было невыносимо скучно. Учитель следовал образцу, неторопливо рассказывая о том, что будет на уроке, и шаг за шагом выполняя свой план. А мне так хотелось неожиданностей, так нравилось это слово, которым отрицалась томительная данность, что я прерывала урок внезапными предложениями» [4, с. 39]). В приведенной цитате манера ведения урока у учителя названа „langatmig“ – долгой, скучной, а также использован оборот „Punkt für Punkt“, иллюстрирующий стремление учителя неукоснительно следовать плану занятия. В противопоставление существительному „die Langweile“ («скука») автор подбирает слово „die Überraschung“ («неожиданность») для описания собственного отношения к урокам.

Героиня, познавая новый язык, остро чувствует разницу в значениях слов и в их употреблении: „Ich konnte mich an diese Grobheit nicht gewöhnen, versuchte das Nein in ein feines Vielleicht oder ein begeistertes Ja umzuwandeln“ [3, s. 53]. («Мне было трудно привыкнуть к такой грубости, я старалась превратить «нет» в утонченное «может быть» или в воодушевленное «да» [4, с. 76]). Она подчеркивает непривычный для неё подбор слов в чужой культуре: „Die Radikalität des „Ich liebe dich“ mochten die Dialekte nicht. Das höchste aller Gefühle: „I ha di gärn“ benutzte man auch für das Müesli“ [3, S.30] («Говорящие на диалектах избегали грубого «я люблю тебя». Выражением высшего чувства оказывалась фраза «мне с тобой легко», употреблявшаяся и по отношению к мюсли» [4, с. 43]). Нормальное для её культуры прямое выражение любви в чужой культуре передается через лексему „die Radikalität“ («радикальность»).

Сформировать представление о разности культур автору помогают многочисленные образные сравнения: „Sie hielten die Zeit an kurzer Leine, und meine Zeit war ein steiler Schwalbenflug. Kaum holte ich weit aus, schon öffneten sie den Terminkalender. Nicht nur am Bankschalter, auch auf der Parkbank trugen sie den engen Zeitanzug, legten das Jackett nicht ab. Die Uhr war das Urbild, nach dem der Mensch geschaffen wurde“ [3, s. 54]. («Они держали время на коротком поводке, а мое время ласточкой взмывало вверх. Стоило мне размахнуться о будущем, как они раскрывали ежедневник. Не только у окошка в банке, но и на скамейке в парке они не снимали узкого временно го костюма, не оставались в рубашке. Часы служили образом, по которому был создан человек» [4, с. 77]). Немецкий фразеологизм „an kurzer Leine halten“ и метафора

„ein steiler Schwalbenflug“ позволяют героине описать различное отношение ко времени в двух культурах.

Еще одно образное описание выражает чувствительность героини к чужому языку: „Und meine Sprechweise in der neuen Sprache war verdächtig zerklüftet. Ein Fehler geschah, ein Loch tat sich auf. Die Einheimischen mochten geglättete Verhältnisse, zubetonierte Löcher“ [3, s. 22]. («Моя манера изъясняться на новом языке тоже была подозрительно обрывиста. Каждая ошибка походила на разверстную дыру. А здесь ценили гладкие отношения, любые дыры тщательно бетонировались» [4, с. 30]). В противопоставлении именной части составного сказуемого „zerklüftet“ («разорванный, обрывистый») и определения „geglättete“ («выглаженный») снова подчеркивается уже названное стремление героини к неожиданности, непредсказуемости.

На синтаксическом уровне организация нарратива позволяет автору осмыслить опыт через использование формальных параметров. Например, особое внимание может быть уделено хронологии текста.

Хронологический порядок выстраивается таким образом, чтобы отдельный фрагмент нарратива, в котором героиня рассказывает о трудностях переезда, адаптации или коммуникации, был связан с дополнительной включенной историей. Героиня взаимодействует с представителями своей этнической группы, которые испытывают те же самые трудности, что и она в детстве. Работая с ними, она пытается передать им свой опыт, а также с помощью своей внутренней речи осмысливает его.

Кроме хронологической организации текста большую роль для дискурсивной обработки опыта играет выбор тематических блоков для повествования. Героиня описывает свою первую работу в качестве разносчицы газет, первый неудачный поход в кино с подружкой, покупку мебели для нового дома.

Когнитивное освоение нового мира и культуры происходит через познание повседневных бытовых конвенций, их оценку и релевантность для неё и её культурных визави. Например, когда героиня с мамой выбирают подержанную мебель для нового дома. Хозяин мебели дарит девочке коврик, который ей понравился. Она замечает: „Er tat es, ohne zu seufzen und ohne mir ein entriegelnden Kuss auf die Stirn zu drücken. So lernte ich, dass gute Gefühle hier getarnt und geräuschlos wie Partisanen unterwegs waren“ [3, s. 17]. («Не последовало ни вздоха, ни смачного поцелуя в лоб. Так я поняла, что добрые чувства здесь скрываются и маскируются, как партизаны» [4, с. 23]). В этой маленькой, казалось бы, незначительной истории автор вербализует важное культурное противопоставление: материальный мир против духовного. Она дальше рассуждает: „In einer dieser Nächte fand ich heraus, dass ich reich war, ich besaß etwas, was dem sich schämenden Mann fehlte: Ich hatte ein tragisches Schicksal. Ich musste mich weder sorgen, es zu verlieren, noch um seine Wertsteigerung bemüht sein. Ein tragisches Schicksal war ein stabiler Besitz“ [3, s. 17]. («В одну из таких ночей я поняла, что богата. У меня было кое-что, чего не было у стыдливого хозяина дома: трагическая судьба. С ней не было хлопот по продаже, по

набиванию цены. *Трагическая судьба – незыблемое имущество*» [4, с. 23]). Позже героиня решила прикормить бездомную кошку во дворе. Соседи запрещали ей это делать, поставили табличку „*Katzen füttern verboten*“ («*Кормить кошек запрещено*»). Бытовая ситуация вызвала в сознании героини мысли о новом противопоставлении и разности пониманий: ограниченность и свобода: „*Wie ich in mitten der umzäunten Welt ins Rasenkam! <...> Und sie schoren mir kahl und verpackten mich in sterile Döschen. Nein. Ihrer Zwangsneurose stellte ich meine Hysterie entgegen, rannte schreiend davon. Die wilde Natur auf zugeben-hieße, nicht mehr zu sein*“ [3, с. 41]. («*Как же ярилась я посреди этого огражденного со всех сторон мира! <...> Они подстригли меня наголо и расфасовали по стерильным баночкам. Нет. Их принудительному неврозу я противопоставляла свою истерию, с воплем бежала от них. Уступить им дикую природу значило перестать быть*» [4, с. 58]). Все эти истории сопровождаются ситуациями общения с представителями чужой культуры, в качестве кульминации имеют культурно-коммуникативный конфликт, а финал каждого фрагмента – рассуждение героини, вербализация её опыта.

Непонимание между героиней и «чужаком» основывается на разных причинах: языковая некомпетентность героини в первые годы эмиграции, стереотипно-настороженное отношение со стороны местных жителей, сопровождающееся, с одной стороны, жалостью или состраданием к героине, а с другой – откры-

той агрессией и ненавистью: „*Manche kannten ganze Zug- und Busfahrpläne auswendig. Bald galt ich als unzuverlässig, als unfähig, mir die Öffnungszeiten der Fremdenpolizei zu merken*“ [3, с. 28]. («*Некоторые наизусть знали график движения поездов и автобусов. Вскоре я прослыла неблагонадежной, неспособной запомнить часы работы иммиграционной полиции*» [4, с. 39]).

Итак, в рамках данной статьи делается попытка выделить функции литературно-нарративной коммуникации в контексте межкультурного взаимодействия и способы дискурсивной обработки культурной чужеродности. Основной функцией названа дискурсивная обработка культурной чужеродности, включающая комплекс языковых и культурно-конвенциональных средств для рефлексии процесса адаптации. В тексте эта функция реализуется на лексическом уровне через использование ряда семантических оппозиций, местоименного дейксиса, описание определенного круга тем. На синтаксическом уровне это выражено в особенностях формального устройства текста, а также хронологического порядка. В качестве функций также выделяется минимизация стресса адаптации и его осмысление через формирование вторичной концептуально-языковой картины мира; передача ментального опыта, как реального автора, так и повествователя, преодоление стереотипной оценки носителей языка и культуры о мигрантах как представителях чужой культуры.

Литература

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 46. С. 61 – 71.
2. Брежна И. Неблагодарная чужестранка. М.: Эксмо, 2014. 192 с.
3. Белецкий С. Б., Куликова Л. В. Патернализм в институциональной коммуникации: монография. М.: Флинта: Наука, 2011. 182 с.
4. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 288 с.
5. Попова Я. В. Коммуникативная обработка табуированных речесмыслов в институциональном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2014.
6. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
7. Brezna I. Die undankbare Fremde. Verlag Galiani Berlin, 2012. 140 s.

Информация об авторе:

Микалаускайте Елизавета Юлипоновна – магистрант отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета по программе «Лингвистика и межкультурная коммуникация», emikalauskaite@yandex.ru.

Elizaveta Yu. Mikalauskaite – Master's Degree student at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University.

(Научный руководитель: Куликова Людмила Викторовна – доктор филологических наук, профессор, директор института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, kulikova_l@list.ru.

Academic advisor: Ludmila V. Kulikova – Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.